

НЕДОПИСАЛ, НЕДОЛЮБИЛ...

Книга эта не нуждается в рекламе. Ее ждали, и она быстро расхотится с прилавков книжных магазинов. Здесь нет особого секрета, ведь книга — о Леониде Енгигарове. Секрет — в личности Енгигарова и в неповторимом очаровании творчества «клоуна с осенью в сердце». Секрет — в поклонении и любви, навсегда оставшимися в сердце армянского зрителя, который видел и помнит Енгигарова на манеже Ереванского цирка. Именно зритель сотворил легенду вокруг имени клоуна-мима, которое, как песни Высоцкого и фильмы Шукшина, стало символом целого поколения.

Он смешного ничего

не делал —

Горе наше брал он

на себя, —

так сказал о Енгигарове Высоцкий.

«Енгигаров великий поэт движения. Гений. Его имя стало легендой», — а это уже слова не менее великого Марселя Марсо. А Шукшин ничего не говорил, он просто дружил с Енгигаровым и снимал его в своих фильмах.

Личность Енгигарова — обаятельная, лучащаяся добром и светом, творческая, ищущая, представлена в книге Рудольфа Славского «Леонид Енгигаров» выпукло и ярко. Автор апеллирует к свидетельствам близких, друзей, коллег Енгигарова, к архивным документам, к творчеству артиста, наконец, к личным впечатлениям.

Однако, помимо всего сказанного, есть у этой книги еще одно важное качество: она дает толчок к размышлениям, выходящим за рамки собственно книги. Так, я, киновед, обнаружила для себя интересную тему, намеченную автором книги лишь вскользь. Тема эта: Леонид Енгигаров и кино. Нет, речь отнюдь не о том, что Леонид с детства любил кино (впрочем, как и многие его сверстники), что упивался комедиями Чарли Чаплина, Бастера Китона. Дело даже не в том, можно ли считать творческой удачей фильм «Путь на арену», главная роль в котором была написана специально для Енгигарова (кроме этой большой роли, на его счету немало эпизодических ролей, а также сценариев ко-

медийных короткометражек). Можно сказать, что настоящей серьезной встречи с кино у Енгигарова так и не состоялось. И это огромная потеря — и для Лени Енгигарова, и для кино в целом. Представьте себе Чаплина, так и не вырвавшегося из стен мюзик-холла (где он выступал в начале своей артистической карьеры) или выступающего на арене цирка — нет, не в одном фильме, а в жизни. Пожалуй, это так же трудно представить, как и историю кино без фильмов Чаплина и без его котелка и тросточки. Но разве только Чаплина? Макс Линдер, Бастер Китон, Гарольд Ллойд, Оливер и Харди, Тото, господин Юло, Фернандель... Удивительно, но советское кино не дало ни одного имени, которое можно было бы поставить в этом ряду величайших кинокомиков мира, ни одного устойчивого, закрепленного за определенным актером комического (или трагикомического) образа-маски (исключая знаменитую тройку Вицина — Никулина — Моргунова). Енгигаров — автор, режиссер, актер — и его Леня без сомнения могли бы внести коррективы в «табелю о рангах» мастеров мировой кинокомедии, если бы кино не оказалось так преступно равнодушно к творчеству клоуна-мима. «У Лени бездна нереализованной энергии», — писал Енгигаров, — он предприимчив, как маленький бродяжка Чарли в чаплиновских фильмах, что сплошь и рядом приводит его к комическим казусам». К сожалению, бездна нереализованной энергии и творческой потенции имелись у самого Енгигарова.

Да, его называли: клоуном. Но, думаю, если бы Феллини увидел работу Енгигарова, он непременно назвал бы его актер-клоун. Не случайно высшей похвалой Джюльетте Мазине за Джельсомину и Кабирию (главные женские роли в фильмах «Дорога» и «Ючи Кабирии») было феллиниевское: актриса-клоун. И это не парадокс. Большой знаток и почитатель цирка, Феллини сперва интуитивно, а затем и сознательно проводил аналогию между кинодействием и клоунадой. Почти в каждом его фильме на втором плане присутствуют традиционные фигуры

классической клоунады — рыжий и белый клоуны, контрастные характеры, воплощающие самый устойчивый тип конфликта. Более того, качества, составляющие главное отличие художественного мышления итальянского режиссера — стремление к полной свободе, к разрушению привычных концепций, норм, эталонов — сам Феллини называет качествами... клоуновскими. Клоун воплощает «иррациональную сторону человеческой личности, ее инстинктивное начало и ту немалую толику бунтарства и протеста против установленного свыше порядка, которая есть в каждом из нас». Так вот, качества эти, в максимальной степени присущие Лене — Енгигарову, не оставляют сомнений в киногеничности его актерского, клоуновского дарования.

Близок эстетике кино и творческий метод Енгигарова, его взаимоотношение с «материалом жизни», с конкретными вещами, предметами, его «доверие к действительности», питающее его режиссерскую мысль, его погруженность в современность и в то же время способность к крайней степени условности и абстрагирования, к созданию емкого художественного образа посредством действия, жеста, комического трюка. Воистину, прав автор книги, отмечающий, что в придумывании гэгов для «немой комической» Енгигаров мог бы оказаться непревзойденным мастером. Близки к идеям авторского кино — а именно, к фильмам Жака Тати, Пьера Этекса, и мысли Енгигарова об «авторском цирке».

Жаль, что все это осталось на полуслове — недописанным, недоуманным, недосочиненным...

В сотнях тысяч ламп

погасили свечи.

Барабана дробь и... тишина.

Слишком много он взвалил

на плечи

Нашего.

И сломана спина.

Он застыл не где-то,

не за морем —

Возле нас. Как бы прилег,

устав...

Первый клоун захлебнулся

горем,

просто сил своих не

рассчитав.

Сусанна АРУТЮНЯН.